

ИЗ ОПЫТА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Ю. Софронов

ПОДГОТОВКА МИССИОНЕРОВ В ТОБОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ В XVIII–XIX ВВ.

УДК 266

ББК 86.372.24

Автором рассматривается мало изученный вопрос в отечественной историографии по подготовке миссионерских кадров в Сибири в XVIII в. на базе Тобольской духовной семинарии. В ходе исследования представлены все основные этапы развития этого процесса и трудности, с которыми сталкивалось местное епархиальное руководство в этом вопросе.

Ключевые слова: Православие, РПЦ, Западная Сибирь, Тобольск, Тобольская духовная семинария, Варлаам (Петров), Павел (Конюсевич), миссионерство.

V. Yu. Sofronov

MISSIONARY TRAINING IN TOBOLSK THEOLOGICAL SCHOOL IN XVIII - XIX CENTURIES.

The author examines the little studied the issue in historiography on the missionary training in Siberia in XVIII century on the basis of the Tobolsk Theological Seminary. The study presents all the major phases in the development of this process and the difficulties faced by the local diocesan leadership on this issue.

Key words: RUSSIAN ORTHODOX CHURCH, Orthodox, Western Siberia, Tobolsk, Tobolsk Theological Seminary, Varlaam (Petrov), Paul (Konúskevič), missionary.

Политика Петра I строилась не только на сближении с европейскими странами, великий реформатор мечтал об установлении тесных дипломатических отношений с Китаем, а также о включении в состав Российской Империи всех азиатских государств, что подразумевало изучение культуры, языка и религии восточных соседей. Им был составлен грандиозный проект по изучению восточных наук и языков. В 1716 г. по распоряжению Петра был издан первый полный перевод Корана Дю Рие (1647): «Алкоран о Магомете или Закон турецкий...» на русском языке, выполненный Петром Постниковым на основе перевода с французского [15. С. 43]. В 1722 г. в русском переводе Н. Ильинского была выпущена «Книга система, или Состояние мухаммеданския религия...», что способствовало знанию и изучению русским просвещенным обществом ислама [14. С. 33—45]. В то же время именно при Петре I сформировалась позиция по отношению к Востоку как к культуре, у которой «нечему учиться ... незачем подражать». В дальнейшем на этой базе сформировалась идея «молодой России» со своим особым путем [16. С. 33]. Этой же точки зрения придерживался позднее А. С. Пушкин, по мнению которого «Россия проживет одним православием...» [18. С. 465].

При открытии Тобольской духовной семинарии наряду с другими перед ней ставилась задача по подготовке православных миссионеров, знающих языки местных народов и, в частности, сибирских татар. В ней предполагалось, с одной сторо-

ны, готовить проповедников «слова Божия», а с другой — набирать детей из числа местных народностей для обучения, а впоследствии ведения миссионерской деятельности в местах их коренного проживания. Надо полагать, что первые опыты по изучению татарского языка тобольскими учениками архиерейской школы проводились еще в годы правления епархией Филофеем (Лещинским). Во время своего вторичного управления Тобольской епархией митрополит Филофей в 1718 г. в послании к архимандриту Верхотурского Никольского монастыря Сильвестру предписывает набирать в школу детей из числа новокрещенных «инородцев»: *«А буде возможно и в Тобольск отсылать в дом архиерейский ко учению, где многие новокрещенных робята учатся в грамоте»* [19. С. 210].

Но реальных положительных результатов подобные эксперименты не принесли по многим причинам. И главная из них — отсутствие учителей, свободно владеющих языками коренного населения края. Не существовало и каких-либо учебных пособий, пригодных для обучения как русских, так и детей аборигенного населения. Поэтому процесс подготовки проповедников среди иноязычного и в том числе татарского населения Сибири затянулся на несколько десятилетий.

Нами обнаружены документы, на основе которых появилась возможность указать на первое документальное упоминание о введении в семинарии занятий по обучению семинаристов татарскому языку. Из них следует, что еще в 1758 г. сибирский

митрополит Павел (Конюсевич), не найдя среди русскоязычного духовенства желающих заняться изучением татарского языка, привлек для этой цели крещеного татарина Стефана Алексеевича Корнильева, который ранее *«состоял в магометанском законе и был муллою»*. По распоряжению митрополита он должен был обучать *«при Тобольской семинарии священно-церковно-служительских детей татарскому языку и граммате»*, *«чему он и обучал человек 10 с полгода»* [5]. Прекращение занятий сам Корнилев объясняет в своем письме тем, что у епархии не нашлось средств на оплату его трудов и через какое-то время он покинул Тобольск. Так что регулярное изучения татарского языка семинаристами при митрополите Павле так и не было налажено.

Возглавивший в 1768 г Сибирскую кафедру епископ Варлаам вновь обратился к услугам Корнильева и в своем письме от 23 февраля 1773 г. просит губернатора Д. И. Чичерина оказать содействие по присылке Стефана Корнильева в Тобольск для обучения детей в семинарии, а также освободить того от уплаты ясака. Надо сказать, что именно переход из «ясашного» в духовное сословие еще долгое время служил главным препятствием по поставке иноязычных кадров для службы в качестве преподавателей семинарии. И дальнейший ход событий показал, что епархиальные власти, не найдя возможностей обойти чисто административное препятствие, пошли по пути подготовки русскоязычного духовенства в овладении ими татарского

языка. По распоряжению губернатора Корнилев в Тобольск прибыл и какое-то время вел занятия в семинарии в качестве преподавателя татарского языка, но более подробных сведений на этот счет мы не имеем. Скорее всего, он вновь столкнулся все с тем же препятствием, когда «ясашного» чело- века не могли принять в штат семинарских преподавателей.

Трудно ответить, в каком именно году Варлааму (Петрову) удалось открыть класс татарского языка, в который принимались «способные к познанию» семинаристы параллельно с основным курсом обучения, и обучение велось в определенной системе наряду с другими предметами. По крайней мере, на сегодняшний день установить точную дату открытия класса по обучению татарскому языку вряд ли представляется возможным. Вероятно, как и в других подобных случаях предпринимались неоднократные попытки по налаживанию его функционирования, что можно отнести ко второй половине 70-х годов XVIII столетия. Так, в отчете в Св. Синод от 26 февраля 1779 г. епископ Варлаам указывает, что в Тобольской семинарии обучаются *«священно и церковно-служительские дети татарскому языку, арифметике и геометрии»* [13].

Если известно, что первым, кто занялся обучением тобольских семинаристов татарскому языку, был Степан Корнилев, то следующим учителем татарского языка мы можем назвать, исходя из послужного списка семинарского учителя Иосифа Гиганова, где значится, что с 3 июня 1786 г. он состоял учителем татарского языка.

Там же сообщается, что он «обучался в Тобольской духовной семинарии, а в недалеком от Тобольска расстоянии находящихся юртах обучался татарскому и персидскому диалектам» [6].

Итак, между концом 60-х и 80-х годов XVIII столетия епископом Варлаамом неоднократно предпринимались попытки наладить обучение татарскому языку в семинарии, но достоверно судить о результатах мы не можем из-за отсутствия документов по этому вопросу. В любом случае, Иосиф Иванович Гиганов стал первым учителем, при ком изучение языка велось в определенной системе и довольно продолжительный срок.

Наряду с подготовкой из числа русскоязычных семинаристов, будущих проповедников со знанием татарского языка владыка стремился добиться поступления в семинарию и детей аборигенного населения, которые с детства разговаривали на том же татарском языке. В связи с этим 20 мая 1788 г. епископ Варлаам обратился в Св. Синод с вопросом о крайней необходимости направлять в иноверческие селения проповедников из числа новообращенных учеников семинарии, «знающих здешние иноверческие языки» и просил разъяснить, как ему поступить, если будущих проповедников «без указа Правительственного Сената уволить в ведомство духовной команды не могут и из подушного оклада исключить».

За этим, казалось бы, безобидном вопросом крылась весьма важная проблема, из-за которой не только «инородец», но и крестьянин, прина-

длежавший к «податному» сословию, не мог без решения высшего гражданского органа, — Сената, — перейти в сословие духовное. Св. Синод не знал, что ответить сибирскому епископу на протяжении трех лет и лишь 22 ноября 1791 г. направил ему инструкцию 1769 г. о пользе и необходимости подготовки проповедников из числа аборигенов. А в конце синодского послания следовала приписка с рекомендацией: «Учинить о сем сношение с правящим ныне должность Генерал-губернатора Тобольского и Пермского, которому объявлено вышепрписанные обстоятельства ... исключить из подушного оклада» [2].

Но задолго до вышеприведенной рекомендации из Синода епископ Варлаам уже обращался к наместнику Алексею Андреевичу Волкову 6 июля 1789 г. с «премоторией», в которой указывал, что еще 20 февраля 1764 г. «по именному повелению определено быть в Тобольской епархии для обращения иноверных в христианскую веру и для утверждения в оной... двум проповедникам» [7]. Но поскольку достойных кандидатов на эти должности не нашлось, то решено было «обращенных принимать в семинарию учеников с тем, дабы оне своего языка не забыли ... обучать», а затем «посвящать к церквям и посылать для проповедей». Судя по всему, ясного ответа от А. А. Волкова епископ не получил и поэтому 10 декабря 1791 г. (после рекомендации из Св. Синода) он вновь обратился к наместнику с просьбой: «Даче свободы к обучению в русской

школе и семинарии, новокрещенским детям учинить куда следует предписание». На этот раз ответ от наместника поступил уже 22 декабря 1791 г. В нем А. А. Волков писал, что он еще в прошлый раз уведомил наместническое правление и теперь подтвердил вторично, чтобы дети новокрещенных после поступления в семинарию или училища освобождались от уплаты ясака.

Казалось бы, вопрос на местном уровне был решен, но на этом дело не закончилось. Возник небольшой нюанс, о котором не подозревали ни верховные духовные власти, ни местные гражданские. Вся пикантность ситуации состояла в том, что владыка не мог личным указом обязать «инородческих» родителей, пусть даже и принявших крещение, выслать своих детей на учебу в семинарию. Юрисдикция владыки в этом вопросе распространялась лишь на священнических детей, но «ясачные инородцы» находились в ведении гражданских властей, которых вопрос о наборе учеников в семинарию абсолютно не волновал. Владыке ничего не оставалось, как обратиться вновь с просьбой в наместническое правление, где он просил собрать детей инородцев *«на первый случай поблизости из Тобольской округи хотя три человека»*.

Удивительно, но гражданские власти вняли его просьбе и уже через месяц 22 января 1792 г. в близлежащие селения из Тобольска был направлен семинарский учитель татарского языка Иосиф Гиганов, а вместе с ним дворянский заседатель Семен Беседный.

Поездка их, как сейчас принято говорить, с целью «профорIENTATION» продолжалась около двух месяцев. В своем рапорте от 14 апреля 1792 г. И. Гиганов изложил подробности своего вояжа по инородческим «юртам». Им удалось побывать в следующих селениях: Березовских, Алымских, Уватских, Туртасских (в оригинале — Тюртасских), Лебаутских, Буренских, летних Буренских, Кошелевских. Там они *«по силе Указа всемерно старались соглашать отцов и матерей, чтоб они детей своих отдавали для обучения, представляя им выгоды, пользу в учении и милость Монаршию»*. Однако оказалось, что инородцы совсем не готовы были к подобным милостям и *«по грубости и крайнему их невежеству склонить их к тому не могли»*. Гиганову все же удалось уговорить одного из недавно принявших православие «остяков», чтобы он отдал своего сына в учение, но *«местный старшина, будучи пьян, непристойно ругался...»*. Старшина, фамилия которого не указывается, еще пожалеет о том, что вмешался и вступил в спор с Гигановым, чем не выполнил указ Св. Синода. Его по жалобе епископа в наместническое правление вызовут в гражданский суд в Тобольск и *«учинят наикрепчайшее подтверждение, дабы он впредь от таковых дерзостных поступок удерживался»*. Получив отказ от родителей, Гиганов хотел забрать сирот, *«способных к учению»*, которые, по его мнению, находились без *«всякого призрения»* [8]. Но и тут они встретили сопротивление со стороны местных старшин.

Отчет о неудачной поездке Тобольская консистория направила в наместническое правление, которое запросило о причинах неудачи старшин вышеуказанных юрт, на что те ответили: *«Для обучения в семинарии из новокрещенных детей никого не оказалось. А поговаривают, что ежели повелено Указом брать противу их желания, то они в том препятствия не чинят, а добровольно отдать никак не согласны...»*. Епископ Варлаам, ознакомившись с ответом, признал, что часть татар столь упорна, *«что со времен Преосвященного Сильвестра Митрополита с 1740 г. по нынешнее время через 40 лет не было и нет желающих из новокрещенных, чтоб они российской грамоте в семинарию детей своих отдавали обучать»* [8].

Высказывание епископа Варлаама в адрес упорствующих родителей позволяет предположить, что еще при митрополите Сильвестре в 1740 г. предпринимались попытки обучения детей сибирских татар русской грамоте. Это кажется вполне допустимым, если вспомнить, что именно митрополит Сильвестр проводил наиболее ярко выраженную политику христианизации сибирских татар, благодаря чему и оказался отстранен от сибирской кафедры.

Кроме того, владыка выразил неудовольствие по поводу неудачной поездки Гиганова, на что тот подал сведения обо всех селениях, где он побывал, *«приложив роспись новокрещенных Уватского прихода»*, и там же оставил свое интересное наблюдение о том,

что *«татары говорят на остяцком и понимают по-русски, так же и остяки тех селений»* [8].

Таким образом, широкомасштабная политика руководства Сибирской епархии по привлечению детей из числа «новокрещенных» аборигенного населения для обучения в духовной семинарии оказалась неудачной в первую очередь благодаря отсутствию законодательной базы, когда власть гражданская и духовная (епархиальная) каждая жила по законам своего ведомства. Любопытна и реакция родителей на факт набора их детей для обучения: они бы не возражали, если бы им был предъявлен императорский указ, но на добровольных началах отказывались от обучения. Даже они понимали, что власть духовная может лишь попросить их об этом, но отнюдь не приказать. К тому же не нужно забывать, что эпоха правления Екатерины II характерна некоторой либерализацией и смягчением отношения центральной власти к вопросам вероисповедания, и потому все усилия епископа Варлаама по обучению детей аборигенов в семинарии были тщетны.

Следует отметить и тот факт, что даже когда система обучения татарскому языку в Тобольской духовной семинарии оказалась относительно налаженной, то и в этот, казалось бы, благополучный период существования «татарского класса» не все проходило гладко. Так, к самому И. Гиганову со стороны семинарского правления в конце 90-х годов XVIII столетия были большие нарекания, которые заключались в том, что *«учитель*

Гиганов ... почти никогда не ходит в свой класс, между тем получил он не только жалование свое сполна за весь прошедший год и за первую сего года половину, но при том и знатное от семинарии награждение» [12].

Сделаем смелое предположение, что долгая поездка по вербовке детей из «инородческих» селений оказалась не только безуспешной по цели своей, но именно тогда, возможно, Гиганов мог простудиться настолько сильно, что все последующие годы вплоть до смерти, наступившей в 1800 г. в возрасте 35 лет, один из первых сибирских тюркологов достаточно серьезно болел. Это подтверждает и его диагноз — чахотка. Но даже во время болезни он в августе 1800 г., (за месяц до смерти) просил, чтоб «*ученики, обучающиеся татарскому языку, являлись для обучения к нему на квартиру, каждый день в 4 часа пополудни*». Семинарское правление пошло ему навстречу, постановив: «*Избрав способных учеников, назначив к обучению татарскому языку, ... рекомендуя ему (Гиганову) упражнять их в положенные по семинарскому плану часы способом таким, какой он находить наилучшим и между тем требуя от него о успехах тех учеников ежемесячные ведомости*».

После смерти И. Гиганова на его место был назначен учитель класса фары Яков Андреев, который считался знатоком татарского языка, поскольку имелся отзыв Гиганова о нем: «*Похвальных успехов и заготов-*

ляется в учительскую должность татарского языка» и «*довольно упражнявшегося в познании татарского языка*». Преосвященный утвердил его кандидатуру, и правление постановило: «*Объявить учителю Якову Петровичу (Андрееву), велеть ему к прежде обучавшимся татарскому языку ученикам избрать еще из учеников грамматики, синтаксима и поэзии до 20 человек*». Обучение ему предлагалось вести «*по методу предметника своего покойного священника Гиганова*».

Но в процессе учебы выяснилось, что Андреев «*может быть хорошо знавший татарский язык, оказался человеком слабохарактерным, не умевшим совладать с дисциплиной класса*». Как писалось в одной из докладных на имя епископа: он «*по своему смирению и униженности, не может никак управиться сам собою без помощи других, своими татарами*». Ученики, пользуясь слабостью учителя, «*производили на его уроках беспорядки*». Не справлялся он и с учениками низшего класса «*фары*», к тому же класс насчитывал 52 человека, совладать с которыми ему было явно не по силам. 6 января 1802 г. Яков Андреев, принявший монашество с именем Измаила, посвящается в иеродиакона, оставаясь учителем татарского языка, а также преподавателем математики. В дальнейшем преподавание татарского языка неизменно поручалось именно ему, но результаты познаний семинаристов по этому предмету были довольно слабые.

Как бы то ни было, но владыке Варлааму удалось постепенно шаг за шагом наладить и сделать стабильным процесс обучения в семинарии. Учительские должности по всем предметам заняли выпускники сибирской школы, и отпала необходимость в привлечении ученых монахов из Киева, как это практиковалось почти тридцать лет. Приведем списки семинарского преподавательского состава за середину 90-х годов XVIII столетия, где не встретим ни одной «малороссийской» фамилии.

В начале XIX в. центральные духовные власти предприняли ряд шагов по распространению своего влияния на нехристианское население империи, в том числе и на коренные народности Западной Сибири. Об этом свидетельствует указ Св. Синода от 16 июня 1800 г. об «утверждении в христианской вере крестившихся иноверцев», которым предписывалось в инородческие селения назначать священников, знающих языки местных народностей [17. С. 43]. Другой синодский указ от 22 января 1803 г. требовал «брать в священники» или принимать для учебы в духовные семинарии лиц, знающих татарский язык, и перевести на него основные молитвы, символы веры и главные положения службы. Переводы требовалось прислать на рассмотрение в Св. Синод. Тобольское семинарское правление предоставило в распоряжение консистории для отправки в Св. Синод переведенные на татарский язык катехизис и основные молитвы, выполненный учителем татарского языка и арифметики иеродиаконом

Исмаилом [11]. А уже 25 февраля 1803 г. правление семинарии постановило: «Препроводить в консисторию представленный учителем татарского языка иеродиаконом Исмаилом катехизис с некоторыми молитвами, переведенными на татарский язык» [11].

Судя по тому, что перевод катехизиса был подан в тобольскую консисторию в довольно короткий срок (месяц) после получения предписания из Св. Синода, надо думать, что иеродиакон Исмаил подготовил его заранее, что не могло происходить без ведения ректора и семинарского правления. Об этом говорит прошение Исмаила, которое он подал архиепископу Антонию, сменившему Варлаама (Петрова). В нем иеродиакон Исмаил сообщал, что он принял монашеский постриг исключительно ради того, чтоб иметь возможность, находясь на содержании в Знаменском монастыре, заниматься переводами наставлений и некоторых христианских догматов с русского языка на татарский «для приводимых в христианскую веру татар». Одновременно он преподавал татарский язык ученикам татарского класса [9]. Но поскольку, кроме того, ему вменили в обязанности вести занятия по арифметике и служить в церкви, что, пишет он «для него тяжело», поскольку из-за этого он не успевает на обеденную трапезу. В связи с этим Исмаил просил освободить его от церковного служения и предоставить ему доходное место с содержанием. На его прошение архиепископ наложил резолюцию: «Иеродиакону слу-

жить в праздничные дни вместо недельной очереди, порцию брать в келью, кружечной доход заслуживать в свободные от классов часы; на каковой конец архимандрит и должен сделать назначение дней для соблюдения порядка в службах и молебствиях» [10].

Нашли ли применение катехизис и молитвы, переведенные на татарский язык учителем Исмаилом, осталось неизвестным, скорее всего, затерялись где-то в архивах Св. Синода. Во всяком случае, в делах Tobольской консистории упоминаний о них нами не обнаружено.

В 1818 г. класс татарского языка при Tobольской семинарии в связи с проведением реформы в духовных учебных заведениях России был закрыт. Открытие его затянулось на несколько лет. Возможно, не проявили инициативы сибирские епископы, от воли которых во многом зависело создание его. Не способствовал тому и либеральный курс императора Александра I, который во многом продолжил конфессиональную политику своей венценосной бабки, ориентированную главным образом на европейскую. Но первым, кто стал ратовать за «татарский класс» при Tobольской семинарии, совершенно неожиданно стал сибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич. Хотелось бы отметить, что боевой генерал, участник войны 1812 года, уделял огромное внимание просвещению края и именно он впервые поставил вопрос об открытии в Tobольске университета.

В марте 1824 г. П. М. Капцевич встретился в Петербурге с министром

духовных дел и обратил его внимание на необходимость обучения воспитанников Tobольской духовной семинарии татарскому языку. Он рассказал министру, что не так давно присутствовал на публичных экзаменах в Tobольской семинарии и отметил, что семинаристы достаточно хорошо владеют латинским, греческим, еврейским, французским и немецким языками, но совершенно не знают татарского. Меж тем, как в Сибири обучение этому языку, по его мнению, довольно актуально. Министр духовных дел согласился с Капцевичем и обещал учредить при Tobольской семинарии специальный класс татарского языка.

Но генерал-губернатор, на деле хорошо зная о «забычивости» министров в подобных вопросах, вернувшись в Tobольск, направил письмо в министерство народного просвещения, в котором указывал, что в связи с открытием новых округов в Омской области и устройством Киргизской степи возникла необходимость направления миссионеров в районы кочевий «киргизов» (казахов). При этом он подчеркивал важность знания для семинаристов татарского языка и высказал предложение: если трудно открыть такой класс в Tobольске, то направить 30 студентов в Казань для обучения их в местной гимназии у адъюнкт-профессора Хальфина, а затем в университете у профессора Эрдмана. Кроме этого, он предлагал обучать и нескольких воспитанников Tobольской семинарии монгольскому языку для последующего *«размещения их в Западной Сибири по лежащим на юге приходам и в осо-*

бенности в Бухтарминской крепости» [3].

Благодаря настойчивости генерал-губернатора уже 19 июля 1824 г. из правления Московской духовной академии в правление Тобольской семинарии было послано представление, в котором предлагалось учредить класс татарского языка при семинарии. В том же 1824 г. Комиссия духовных училищ сочла нужным открыть через два года при Тобольской семинарии класс татарского языка. Но поскольку на тот момент в Сибири не могли подыскать преподавателей для этого класса, Тобольскому семинарскому правлению надлежало направить в Казанскую семинарию четырех своих учеников из философского отделения, чтобы они, продолжая обучение в семинарии, одновременно посещали бы и Казанскую гимназию «для слушанья начальных уроков татарского языка», а затем бы совершенствовались свои знания в университете у профессора Эрдмана, после чего они должны были вернуться в Тобольск в качестве преподавателей татарского языка в семинарии.

3 сентября 1824 г. семинарское правление назначило для отправки в Казань студентов: Алексея Бирюкова, Ипполита Набережнина, Тимофея Тюшева и Василия Никулина (все они были детьми священников из различных сибирских приходов). Снабженные одеждой, бельем и прогонными деньгами четверо семинаристов выехали из Тобольска. Преосвященный Амвросий отправил в совет Казанского университета письмо, в котором просил выдать по окончании курса семинаристам «над-

лежащий аттестат в знании ими этого языка».

В 1826 г. все четверо воспитанников вернулись из Казани в Тобольск с соответствующими аттестатами, и в сентябре 1826 г. в Тобольской семинарии был вновь открыт класс татарского языка, учителем которого стал Алексей Бирюков. Но его учредителям пришлось столкнуться с рядом трудностей. Во-первых, не было ни учебников по новому предмету, ни книг для перевода; во-вторых, семинарское начальство не могло решить, в каких классах вводить преподавание татарского языка и вместо каких предметов; в-третьих, делать ли этот предмет обязательным для всех семинаристов или вести преподавание на добровольной основе. В конце концов, семинарское правление постановило: «Преподавать татарский язык, начиная с низшего отделения уездного училища и в те часы, в какие преподаются прочие предметы по усмотрению учителя Бирюкова». Оплата за Бирюкову была положена 300 руб. в год. Преподавание татарского языка велось до 1875 г. [3].

Кроме этого, на наш взгляд, следует добавить, что в начале XIX в. преподаватель Тобольской духовной семинарии Иосиф Иванович Гиганов выпустил в Петербурге крайне необходимые для миссионеров книги по изучению татарского языка: «Грамматика татарского языка» (1801); «Букварь татарского и арабского письма» (1802); «Словарь Российско-татарский» (1804). Под руководством И. И. Гиганова сибирский бухарец Ният Бака Атнометев написал и подготовил к печати свой

вариант той же тематики: «Букварь татарского и арабского письма» (1802, СПб). Все это не могло не способствовать успешной подготовке из среды семинаристов будущих миссионеров среди мусульман [1. С. 131–135]. Потому предписание о переводе молитв на татарский язык не застало врасплох руководство тобольской епархии, поскольку уже достаточно длительный период в этом направлении велась работа на базе Тобольской духовной семинарии.

Таким образом, Тобольская духовная семинария в рассматриваемый период сумела развернуть работу по

подготовке православных миссионеров-проповедников среди мусульманского населения Сибири. При этом ученики и преподаватели семинарии изучали татарский язык, знакомились с культурой аборигенного населения края, выпускали словари и учебники по изучению арабского и татарского языков, осуществив тем самым весомый вклад в российскую арабистику и исламоведение. Все это служило сближению разноязычных народов Российского государства и установлению толерантности между ними.

Список литературы

1. Валеев Ф. Т., Исхакова С. М. Ният Бака (Баки) Атнаметев — педагог, ученый, общественный деятель // Тюркские народы. Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». — Тобольск, 2002. — С. 131–135.
2. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 922. Лл. 8-8(об).
3. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 77. Л. 12.
4. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 25. Д. 77. Л. 9.
5. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 31. Л. 1.
6. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 2631. Л. 12.
7. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 922. Л. 2.
8. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 922. Л. 20 (об).
9. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1293. Л. 1.
10. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1293. Л. 3.
11. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 5. Д. 1421. Л. 2.
12. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 156. Оп. 5. Д. 163. Л. 2.
13. ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 530. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
14. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. — Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1982. — 359 с.
15. Крачковская И. Ю. Очерки по истории русской арабистики. — М.-Л. : Изд-во АН, 1950. — 237 с.
16. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVII в.) // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 414. // Труды по русской и славянской филологии. XVIII. Литературоведение. — Тарту, 1977. — С. 33.
17. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXVI. № 19455.
18. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Изд. 4-е. — Л. : Наука, Т. Х. 1979. — 463 с.
19. Судницын А. Тобольская архиерейская славяно-русская школа // Тобольские Епархиальные Ведомости. — 1894. — № 13. — С. 210.